

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Васютинский</i> ФРАНЦУЗСКОЕ МАСОНСТВО В XVIII ВЕКЕ	5
<i>А. М. Васютинский</i> ОРДЕН ИЛЛЮМИНАТОВ	35
<i>А. В. Семека</i> РУССКОЕ МАСОНСТВО В XVIII ВЕКЕ	49
<i>В. Н. Тукалевский</i> Н. И. НОВИКОВ и И. Г. ШВАРЦ	97
<i>Е. И. Тарасов</i> МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ (Второстепенные деятели масонства)	149
<i>М. В. Довнар-Запольский</i> СЕМЕН ИВАНОВИЧ ГАМАЛЕЯ	173
<i>Т. О. Соколовская</i> МАСОНСКИЕ СИСТЕМЫ	185
<i>Т. О. Соколовская</i> ОБРЯДНОСТЬ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ	213
<i>М. В. Довнар-Запольский</i> ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ГОНЕНИЯ НА МАСОНОВ	247
<i>Е. С. Шумигорский</i> ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I И МАСОНСТВО	261
<i>Т. О. Соколовская</i> РАННЕЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЕ МАСОНСТВО	279
<i>Н. К. Кульман</i> МАКСИМ ИВАНОВИЧ НЕВЗОРОВ	323
Примечания	343

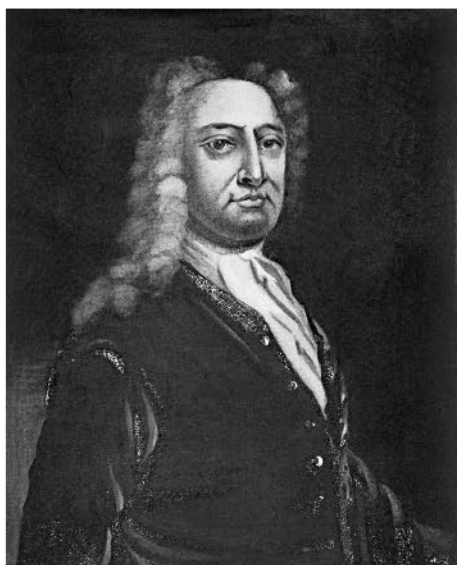
А. М. Васютинский

ФРАНЦУЗСКОЕ
МАСОНСТВО В XVIII ВЕКЕ

Французское франкмасонство — побочное дитя английского. Ранняя история его тесно связана с наплывом во Францию английской знати после революций XVII века. «Славная революция» 1688 года низвергла окончательно династию Стюартов и заставила ее представителя Якова II с кучкой верных приверженцев искать убежища у христианнейшего «короля-солнца» Франции Людовика XIV. С этих пор устанавливается непрерывная тяга на континент во Францию той части английской знати, которая осталась верна королю-изгнаннику, надеялась на его возвращение и готова была содействовать этому даже с оружием в руках, за что и получила характерное название сторонников Якова — «якобитов». Наиболее скомпрометированные якобиты принуждены были окончательно расстаться с родиной. Эти эмигранты и сочувствовавшие им поклонники английских общественных порядков и были первыми основателями масонских лож во Франции.

Уже в тридцатых годах XVIII века в Париже насчитывалось пять лож. Первая ложа, известная под разными наименованиями, была образована в 1725 году, но лишь в 1732 году получила свою конституцию от Великой ложи Англии. В основании этой ложи среди других англичан принимал деятельное участие Чарльз Рэдклифф, граф Дервентуотер, убежденный якобит, сложивший впоследствии свою голову на плахе в Англии. Смутные сведения масонских летописцев и историков ставят его на почетное место предполагаемого 1-го великого мастера (гроссмейстера) Франции с 1736 года. После него, вероятно, был выбран 4-й или 6-й ложами в качестве великого мастера граф Гарнуестер, предполагаемый 2-й гроссмейстер Франции.

Таков легендарный период французского франкмасонства, признаваемый официальной масонской традицией.

Чарльз Рэдклифф, граф Дервентуотер. Портрет XVIII в.

Рядом с якобитским дворянством организуют ложи во Франции и представители английской знати, сохранившей верность новому Ганноверскому дому. Английские газеты рассказывают неоднократно о заседаниях парижских лож, учрежденных родовитыми английскими аристократами, на которых присутствует, между прочим, и знаменитый Монтескьё. В 1737 году одна из лондонских газет сообщает даже, что орден франкмасонов, давно уже существующий в Англии, пользуется в Париже большим расположением и недавно в него вступило 18–20 членов аристократии.

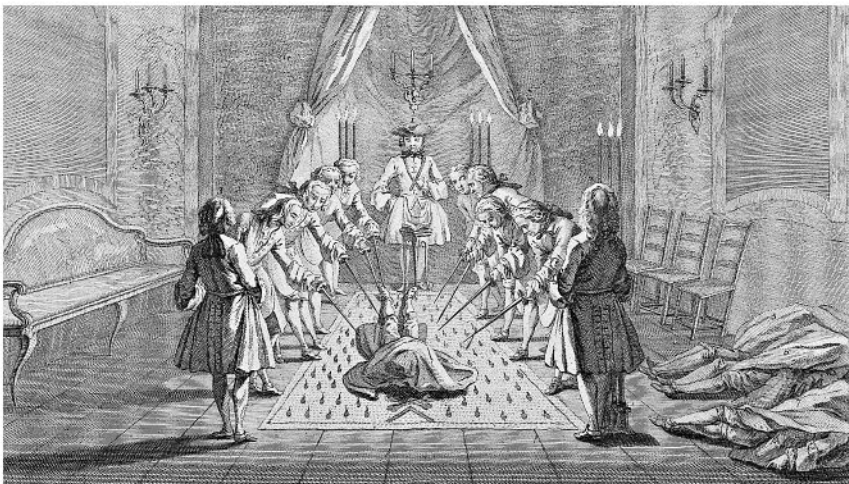
Общественный и политический строй Англии этого времени представлялся идеальным как французской знати, согнувшейся под игом королевского абсолютизма, так и буржуазии, жаждавшей сравняться с высшими классами. В самом деле, абсолютная власть короля лишила политической самостоятельности могущественное прежде дворянство. Всякие собрания, преследовавшие серьезные цели, воспрещались: и 20 дворян не имели права собраться без специального разрешения короля. От прежних провинциальных собраний (по сословиям) осталась одна тень. Собрания частных лиц были терпимы лишь тогда, когда устраивались ради развлечений, да и то под бдительным надзором полиции.

Между тем разорение и позор, навлеченные на Францию себялюбивой политикой Людовика XIV, не могли не вызвать протеста, робкого среди знати, бурного, стихийного среди народа, утесняемого и духовно, и экономически.

Королевское могущество было слишком велико, чтобы как отдельные голоса знатных критиков, так и отчаянная борьба отдельных кучек плохо организованного крестьянства могли пошатнуть престол Людовика XIV.

Но едва он закрыл глаза, как регент малолетнего Людовика XV Филипп II Орлеанский принужден был сделать некоторые уступки, смягчившие резкий характер абсолютной власти. Проснулись и бывшие политические притязания знати, которая устами графа Буленвилье производила себя от франков-завоевателей и требовала себе почетного места у других сословий, происходивших якобы от поработанных галлов. Пробуждалось к жизни политической и третье сословие. Проповеди Массильона, сочинения аббата Сен-Пьера вызвали образование так называемого Клуба «антросоли», где ученые, государственные сановники и некоторые буржуа обсуждали политические вопросы дня. Клуб сумел повлиять даже на внешнюю политику правительства.

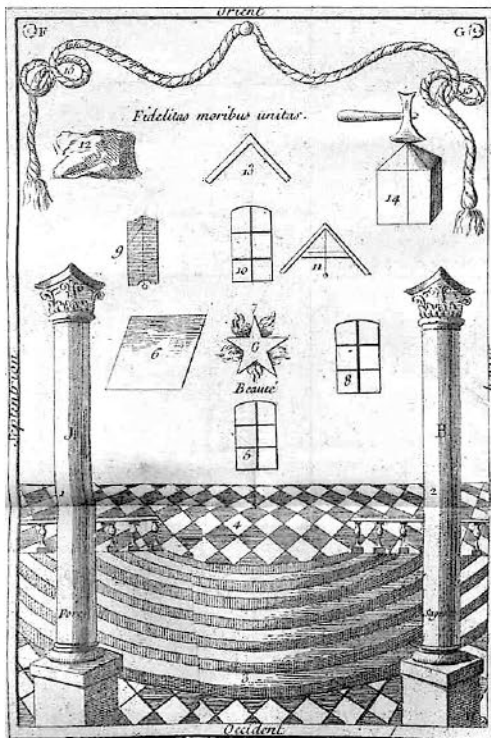
Тем с большей силой искало выхода и религиозное чувство буржуазии, оскорбляемой сухой обрядностью господствующей церкви и суровыми полицейскими преследованиями научной и религиозной мысли. Иногда эти религиозные томления выливались в уродливые формы почитания подозрительных праведников и сомнительных подвижников, несмотря на все гонения и запрещения духовных властей. В то же время цвет буржуазии, достигший влиятельного положения в рядах судейской магистратуры, вел нескончаемую упорную борьбу с ультрамонтанством, отстаивая от честолюбивых притязаний римской курии права национальной галликанской церкви.

Посвящение в масоны. Гравюра Жака-Филиппа Леба, XVIII в.

При таких условиях туманный и неопределенный идеал братства с религиозно-нравственной окраской, воплощенный в английском масонстве, нашел сочувствие и у французского аристократа, и у буржуа.

Если дворянам, мечтавшим о былой власти, представлялось выгодное положение руководителей новых обществ, то взоры всех худородных, жаждавших перемены своего общественного положения и недовольных сухой обрядностью господствующей церкви, устремились назад к любезному сердцу «естественному состоянию». И идеологи третьего сословия с особым тщанием должны были искать средства для того, чтобы вытеснить уклонение от природы, вернуть природе прежнюю власть и восстановить первобытное состояние всеобщей свободы и равенства. Лучше всего передает эти ожидания и упования очень популярное анонимное произведение «Франкмасон (Сновидение)». Оно неоднократно переиздавалось в 40-х годах XVIII века. Сама природа заявляет, что «счастливые времена должны вернуться. Законы мои будут управлять Францией. Настоящее ручается мне за счастливое будущее»... Она приглашает спящего следовать за ней и показывает ему умилительную картину смирения гордых. «Это моя лучшая победа над человечеством, — говорит природа. — Она напоминает великим закон

План ложи. Иллюстрация к *Seau Rompu*. 1745 г.

равенства и повергает к ногам кумиров славу, жертву почтенной и благородной свободы, которая ничего не заимствует от неправедных преимуществ и учит чтить право государей и богов. Царство мое освятило справедливую зависимость, которой требует власть государей и богов. Не удивляйся поэтому счастливой гармонии, порождаемой общностью сего блестящего согласия...»

Итак, пылкие мечты о возвращении к природе сочетаются с верноподданническими чувствами, и стремления к равенству и братству, облеченные в высокопарные фразы, отвергают какой-либо политический протест.

Принципы франкмасонства вполне соответствовали этим скромным стремлениям почтительного верноподданного буржуа к нравственному совершенствованию и социальному равенству.

Поэтому памфлет *Sceau Rompu* («Сломанная печать») энергично заявляет: «Каково бы ни было происхождение франкмасонства, каков бы ни был дух его учреждения, ныне вся его цель — возвратить человечество к первоначальному равенству и установить между масонами союз общности, отменяя различия, порождаемые среди нас рождением, сословием и должностями...»

Третье сословие особенно должно было желать этого вождельного равенства — и картина заседания масонской ложи вызывает умиление у мягкодушных братьев: «Какой иной пример может нам до сих пор представить счастливые времена Астреи? Всякий дворянин позволяет своему дворянству фамильярничать; буржуа возвышается до некоторого великодушия, словом, кто только имеет в чем преимущество, охотно отказывается от него; все уравнивается. Титул “брата” не пустое словообращение: все сообща наслаждаются приятностями братства. Заслуги и таланты выделяются, но те, кто имеет счастье обладать ими, проявляют их без страха и гордости, потому что тот, кто лишен этих преимуществ, не чувствует от этого ни унижения, ни зависти. Никто не хочет там блистать, каждый старается нравиться».

Стремление к равенству настолько сильно сказывается, что ложи французские объявляют всех братьев благородными — «рыцарями».

Понятно, что масонство быстро начинает распространяться, и уже в 1732 году находим мы «английскую» ложу в Бордо. Вскоре затем появляются ложи в других больших городах Франции: Лионе, Руане, Кане, Монпелье, Авиньоне, Нанте, Тулузе. Наконец, молодой герцог д'Антен становится во главе парижских лож: это третий, если следовать масонской традиции, но на самом деле первый французский великий мастер.

Но слабое развитие общественного самосознания привело к усвоению лишь одной внешней формы английского масонства.

Герцог д'Аnten пытается остановить полицейских, явившихся в ложу. Гравюра 1886 г. из антимасонской книги «Тайны масонства» Лео Таксила

Время препровождение братьев-масонов, собиравшихся в ресторанах и кабачках, не отличалось строгостью нравов: роскошные обеды и карточная игра, по-видимому, их главное занятие. Между тем таинственность, с одной стороны, и шумность собраний — с другой скоро привлекли к масонам особенное внимание полиции, не прекращавшей за масонами зоркого наблюдения с тех пор, как движение это вышло за пределы английской колонии. 10 сентября 1737 года полицейский обход застиг в полном разгаре собрание масонов у виноторговца Шапло. Уже на улице было заметно громадное скопление кабриолетов, лакеев знатных господ и любопытных. Несмотря на энергичный протест случившегося здесь великого мастера — герцога д'Анте́на, полицейский комиссар настоял на закрытии собрания, причем содержатель гостиницы поплатился большим штрафом. Но полицейские гонения не помешали дальнейшему распространению масонства в самом Париже и заседаниям у популярных гостинщиков:

*Как они, иди работать у Гюлэна, у Рюэлля,
У Шапло, у Вальяна и у Ланделя.*

Так советует враждебный масонам памфлетист. Особенно же свободно развивались ложи за пределами Парижа, в провинциях, куда не досягал зоркий глаз парижской полиции. Так, в Люневиле масоны устроили 17 февраля 1738 года большой пир, на котором присутствовали лица обоих полов и братья-масоны, притом во всех своих отличиях. Торжество началось концертом. В полночь открылся бал под звуки великолепного оркестра. В двух смежных комнатах шла оживленная игра в карты. Собравшиеся были так уверены в своей безнаказанности, что ожидали даже прибытия высокопоставленного гостя — короля Станислава Лещинского (наместника Лотарингии и тестя Людовика XV).

Очевидно, такое времяпрепровождение не было исключением в практике масонских лож. Так, в одной из французских газет 1736 года находим известие такого рода: «Столь старое, как и знаменитое, в Англии общество делается модным. Кто хочет вступить в него, должен внести 10 луидоров и в придачу сказать много добрых слов. Недавно было принято 10 новых сочленов, и церемония закончилась обедом, при котором присутствовали люди первых чинов, причем некий герцог, прежде чем садиться за стол, выиграл у одного английского лорда 700 луидоров в пикет». При таких условиях старания полиции разузнать масонские тайны увенчались успехом: при помощи подкупленной певички удалось получить масонский ритуал, который тотчас и был предан на посмеяние публики. Танцовщицы исполняли в театре «масонский танец». Ученики иезуитской коллегии высмеивали в пантомиме принятие в масоны. Даже в театре марионеток выступал франкмасон-петрушка. Посыпалась масса ядовитых памфлетов, но масонство вместе с тем стало вопросом дня — оно сделалось модным, и ему открылся широкий путь в ряды третьего сословия.

Правда, гонения обрушились на масонов во всех углах Европы и достигли своего апогея в выступлении римской курии. Папа Климент XII особой буллой от 7 апреля 1738 года обвинял свободных каменщиков (*liberi muratori*) в лицемерии, притворстве, ереси и извращениях. В особую вину им ставилась таинственность и скрытность. Виновным в принадлежности к масонству грозило отлучение.

Набеги полиции, злостные нападения официальных газет вызвали попытку самозащиты. Мишель Прокоп, доктор и видный член масонских лож, попытался защитить масонство и нарисовал в стихах любопытный портрет франкмасона 40-х годов.

«Позвольте мне вам сообщить, кто настоящий франкмасон. Люди нашего ордена всегда выигрывают от близкого знакомства с ними, и я надеюсь своей речью внушить желание вступить в орден. Что же такое представляет настоящий франкмасон? Вот его портрет. Это

добрый гражданин, усердный подданный, верный своему государю и государству, и, кроме того, совершенный друг. У нас царит свобода, но всегда приличная. Мы вкушаем наслаждение, не оскорбляя небес. Цель наших стремлений — возродить Астрею и воссоздать людей такими, какими они были во времена Реи. Мы идем непроторенной стезею. Стараемся созидать, и наши здания — темницы для пороков, или храмы для добродетелей...» Таково общее направление французского масона: смиренный, верноподданный и благочестивый человек, он живет в мире с установленной властью и господствующей церковью, усиленно подчеркивая это как на заседаниях, так и вне их и довольствуясь своим туманно и общо выраженным мирозерцанием.

Но булла Климента напугала верующих католиков, несмотря на то что парижский парламент отказался признать ее и воспротивился официальному ее опубликованию во Франции. Тотчас после нее основывается странный и малоизвестный орден мопсов, в который впервые допускаются и женщины в качестве членов, причем условием ставилась принадлежность к Римско-католической церкви.

Появляются и другие общества, преследовавшие исключительно цели веселые и ничего не имевшие общего с нравственностью: таковы орден благополучия, орден якоря (1742—1745).

Condemnatio Societatis, seu Conventic-
ularum -- de *Liberi Muratori* -- aut --
de *Francis Massons* -- sub pœna
Excommunicationis ipso facto
incurrendæ, cjus absolutio-
ne excepto Mortis Arti-
culo Summi Pontifici
reservata.

CLEMENS EPISCOPUS
SERVUS SERVORUM DEI.

*Universis Christianis salutem, & Aposto-
licam Benedictionem.*

Neminenti Apostolatus Specula, meritis licet imparibus, Divina disponente Clementia coadjuvati iuxta creditum Nobis Pastoralis providentiæ debitum jugi (quantum ex alto conceditur) sollicitudinis studio iis intendimus, per quæ erroribus vitisq; aditu intercluso, Orthodoxæ Religionis potissimum servetur integritas, atque ab universo Catholico Orbe difficillimis hisce temporibus perturbatio-

Булла папы римского Климента XII

Гораздо раньше удумала полиция при помощи придворного духовенства создать противовес масонству, но удалось осуществить этот хитроумный проект при посредстве королевского духовника отца Вуазена лишь в 1742 году. Это был «бессмертный и почтенный орден благого отца и патриарха Ноя». Новоявленный орден должен был удовлетворять страсти к пышным титулам и церемониям, и ритуал его был скопирован по образцу масонского. Ордену Ноя не удалось задержать развитие масонства во Франции, несмотря на то что в эти годы преследование полицией, угрозы главы церкви и хаотическое образование новых лож внесли в ряды французского масонства сильное разложение. Хотя де ла Тьерс уже в 1733 году перевел «Книгу Конституций» с английского, она лишь в 1742 году могла появиться в свет, да и то за границей, во Франкфурте-на-Майне. И сведения о характере и цели масонского труда, и ритуал, наконец, исторические данные о происхождении масонства приходилось черпать из памфлетов разного типа: одни из них сожалеют о печальном положении масонства, другие (как, например, произведение оперного музыканта Травеноля) злорадно высмеивают и издеваются. Доброжелательные памфлеты сороковых годов с грустью констатируют торговлю степенями, пышность торжественных обедов, разобшение провинциальных и столичных лож и умножение поддельных, мнимых масонских лож. Некоторые из авторов предлагают и целый ряд мер для исправления недостатков и возрождения гнущего масонства: прежде всего необходимо широкое осведомление о целях и задачах масонства на основании английских конституций, потом ограничение числа членов ложи и строгая отчетность в расходовании денежных сумм. Упрекая мастеров лож в невежестве и незнании основоположений масонства, некоторые памфлеты указывают на существование семи степеней, на так называемых шотландских мастеров. В то же время резко подчеркивается особенное разложение столичных масонских лож, которое дошло до того, что в провинции называются «парижскими мастерами» все те, кто вовсе не исполняет или ленится исполнять предписания ордена.

Среди этих обвинений, соболезнующих советов и нареканий скончался герцог д'Антен, оставляя французское масонство без определенного центра, без внутренней связи.

Через два дня после его смерти, 11 декабря 1743 года, собрание 16 парижских мастеров выбрало пожизненным великим мастером принца королевской крови Людовика Бурбона, графа Клермон. С этих выборов ведет свое начало и Великая Английская ложа Франции.

Собрание парижских мастеров, избравшее нового гроссмейстера, приняло затем и новый устав, представлявший переработку английских андерсоновских конституций применительно к французским порядкам.

Следуя английскому образцу, устав признает лишь три символические степени и сурово отклоняет всякие притязания на особые преимущества и привилегии так называемых шотландских мастеров.

Таким образом, избиратели нового гроссмейстера принуждены были посчитаться с любопытным учреждением, выросшим на почве своеобразных условий развития французского масонства.

«Шотландцы», «шотландские мастера» формируются в потоке того же самого реформистского движения, которое выдвинуло и избирателей 1743 года.

Хаотическое распространение франкмасонства в провинциях, стремление малоосведомленных братьев познать основы масонской легенды, кривотолкования доморожденных мастеров привели к оригинальной эволюции самой легенды. Рядом с Хирамом становится Адонирам, ведающий работами в Соломоновом храме. Бок о бок с хирамической легендой, таким образом, развивается адонирамическая. Цель работы в ложе заключается в построении храма человеческого счастья. Мало того, проскальзывают и пантеистические, и даже материалистические элементы.

К этому присоединились интриги якобитов, подготавливавших экспедицию в Шотландию отчаянного авантюриста королевской крови Карла Эдуарда Стюарта, иначе — Молодого претендента. Экспедиция кончилась полным поражением якобитов и бегством претендента во Францию. Но ловкие памфлетисты сумели связать этот новый крестовый поход с ветхим Средневековьем и найти параллели между целями крестоносных орденов и франкмасонских лож. После этого нетрудно для них оказалось открыть хронологические звенья и даже родство масонов с рыцарями св. Иоанна Иерусалимского, а после протеста мальтийских рыцарей установить близость масонства к тамплиерам — рыцарям Храма — и отыскать в Шотландии мнимую прародину масонства. Так подготовлена была почва для появления таинственной степени «шотландского мастера». Постройка храма Соломонова, наименование рыцарей-храмовников, поход в Шотландию — все это сплелось в полную неразбериху, дающую полный простор для любителей филологических толкований и корнесловий. Немудрено, что на этот благодарный материал нажились с жадностью всякого рода авантюристы, иные — задававшиеся благими целями вывести масонство на торную дорогу, другие — не имевшие ничего в виду, кроме честолюбивых эгоистических целей, третьи — мечтавшие сделать свои помыслы орудием политических интриг.

Типичным представителем таких людей стал первый, кто попытался установить связь между масонством и крестоносными орденами, Эндрю Майкл Рэмзи — личность темная и загадочная, связанная явно

с якобитами, но в то же время получающая свободный пропуск в Англию; гувернер в знатном герцогском доме Бульонов, он мечтает о масонской космополитической республике и в то же время отрекается перед французским министром-кардиналом Флэри от всякого участия в масонских ложах. Шпион Стюартов, а быть может, и Ганноверской династии — человек с двойным лицом, он в своей знаменитой речи ловко формулировал связь масонства с орденами крестоносцев и дал толчок пышному расцвету разных систем и высших степеней. По следам его пошли и другие, и особенно много сделал для обработки степени «шотландского мастера» более поздний деятель шестидесятых годов барон Генрих Чуди, такая же перелетная птица, как и Рэмзи. Потомок известной швейцарской фамилии, заброшенной в Метц, сын советника парламента, рьяный памфлетист, актер французской труппы при дворе Елизаветы Петровны, частный секретарь И. И. Шувалова, он в то же время и лучший идеолог шотландской системы, связанной с легендами о храмовниках и борьбой Стюартов за утраченный престол.

Гравюра из антимасонской книги «Тайны масонства» Лео Таксиля

Таким образом, уже с 40-х годов памфлеты знакомят нас с различными новыми степенями — архитектора, избранника, кадоша, — которые выросли на почве развившейся легенды о мести за убитого Адонирама, о мести за гибель тамплиеров. Но чаще всего встречается окруженное особым ореолом звание «шотландского мастера»: от него ждут реформы и наставления.

Устав 1743 года с его запретом не мог положить преграду появлению высших степеней и новых систем. Уже в 1747 году шевалье Бошен основал орден дровосеков, который, уступая настойчивому стремлению знатных дам, вводил их в ложу как равноправных членов. В 1754 году шевалье Бонневиль основал капитул высших степеней в Париже и в честь гроссмейстера дал ему имя Клермонского. Но скоро этот капитул был поглощен новыми системами. Погоня за усложнением степеней и пышный расцвет многостепенных систем, очевидно, основывались на крупном социальном факте. Таковым и была борьба между дворянством и буржуазией, а в среде самого дворянства — между старым судейским и пожалованным. Если буржуа жаждал отличий, то не менее его жаждал их и дворянин, ревниво следивший за сохранением чести своих предков: он привык к феодальной иерархии и старался использовать в этом смысле масонскую легенду. Добивались места в ложе и знатная дама, и жена богатого буржуа, которые завоевали уже себе долю политического и общественного влияния: создали салоны.

Таким образом, все стремления к «естественному порядку» разбивались о классовые и групповые перегородки.

Понятно тогда, почему Великая Английская ложа Франции, издавая новый статут, в конце концов уступила общему течению и предоставила в 1755 году «шотландским мастерам» особые привилегии в ложах, поручила им наблюдение и увещание.

Если раньше устав считался с английскими конституциями, то теперь он резко расходился с ними, признавая необходимым условием вступления в ложу исповедание христианской религии и даже римско-католической. Самое название Великой ложи эмансипируется: она называется Великой ложей Франции. Масонство решительно становилось на путь полного приспособления к французским порядкам. После этого открылась широкая дорога для новых туземных масонских систем. В 1756 году появляется новый капитул «кавалеров Востока», а в 1758-м выступает еще более пышная система «Императоры Востока и Запада», члены которой именовали себя «верховными князьями-масонами, главными заместителями королевского искусства, великими наблюдателями и офицерами великой и верховной ложи Св. Иоанна Иерусалимского». Последняя система состояла из 25 степеней, разделенных на 7 классов: 1-й — ученик, подмастерье, мастер; 2-й — тайный

мастер, совершенный мастер, интимный секретарь, прево и судья, интендант; 3-й — мастер, избранник 9-ти; мастер, избранник 15-ти, верховный избранный рыцарь; 4-й — Великий мастер — зодчий, рыцарь королевского ковчега, великий избранник; 5-й — рыцарь Востока, князь Иерусалима, рыцарь Востока и Запада, верховный князь — Розенкрейцер, великий жрец, пожизненный мастер; 6-й — Великий патриарх Ноя, Великий мастер масонского ключа, князь Ливанский, или князь королевской секиры; 7-й — Верховный князь ученик, Великий командор Черного орла, Верховный князь королевского молчания.

Большинство «рыцарей» принадлежали к буржуазии, «императоров» же — к знати, следствием этого была борьба между обеими системами, которая привела к основанию «императорами» новой Великой ложи.

В конце концов «императорам» удалось окончательно вытеснить «кавалеров» из Великой ложи.

Так не оправдались надежды на реорганизацию масонства. Великий мастер был занят своей военной карьерой, а потом обычными развлечением знатного барина той эпохи. Но близость его к высшему духовенству не спасла масонство от новых громов церкви: папа Бенедикт XIV возобновил осуждение, высказанное Климентом XII.

Масонство было своего рода особым феодалом, которым распоряжались подручные великого мастера, высокородного аристократа, принца крови; все вершили заместители графа Клермонского: незначительный банкир Бор и учитель танцев, связанный с графом Клермоном различными щекотливыми услугами, Лакорн. Они, разумеется, не обладали достаточным авторитетом, чтобы упорядочить расшатавшееся масонство. И снова возобновилось старое: заседания лож превращались в шумные оргии, масонские тайны выдавались людям весьма двусмысленной нравственности.

Между тем число лож непрерывно возрастало — и патентами на открытие, печатями, удостоверениями, знаками отличия открыто торговали, запрашивая дорого и уступая по своей цене.

Среди этой неурядицы умер граф Клермонский (1771), и кучка энергичных парижских масонов задумала провести вновь реформу. Враждовавшие в Великой ложе группы примирились, и в особом собрании, в котором участвовали вместе с парижскими мастерами и делегаты от провинциальных лож, был выбран новый гроссмейстер, герцог Шартрский, впоследствии Орлеанский, будущий Филипп Эгалите, и его заместитель, герцог Монморанси-Люксембург.

Это знаменитое собрание делегатов от лож продолжалось несколько месяцев в 1772–1773 годах и получило название национального. В трудах его, помимо депутатов от Парижа, участвовало более 90 провинциальных; очень много принадлежало к высшему титулованному

дворянству (до 40). Но принцип непосредственного представительства не был осуществлен: большинство жило в Париже и представляло по несколько провинциальных лож. Так, Бакон де ла Шевальри — 5; маркиз де ла Клермон-Тоннер — 7; Лабади — даже 27, Тюркгейм — все страсбургские, Виллермо — лионские, граф Александр Строганов — все ложи Франш-Конте. Всем вершил небольшой кружок знатных масонов, имевший во главе Монморанси-Люксембурга. Великая ложа была подразделена на три палаты: администрации, Парижа и провинции. Работа в ложах была подчинена надзору особых 22 провинциальных инспекторов, обязанных представлять отчеты о своих наблюдениях. Когда затем тесный аристократический кружок герцога Монморанси-Люксембурга стал энергично выяснять отчетность прежних деятелей Великой ложи и, набирая высших сановников ложи из своих, удалил Лабади, заведовавшего сношениями с провинциальными ложами, произошел раскол. Лабади, энергичный и честолюбивый буржуа, сумел привлечь на свою сторону парижских мастеров, объяснив им, насколько проводимые новыми заправилами централистические тенденции грозят их несменяемости и авторитету. Часть парижских мастеров поэтому протестовала и сохранила старую ложу.

Обе Великие ложи — нового состава и старого — вступили друг с другом в ожесточенную борьбу, хотя обе признавали одного и того же гроттмейстера и его заместителя. Монморанси не побрезговал даже воспользоваться своими связями, чтобы натравить полицию на вождей старой ложи.

22 октября 1773 года состоялось торжественное вступление в должность нового гроттмейстера, в признании которого объединились все капитулы, советы и шотландские ложи Франции. С этого времени новая Великая национальная ложа именуется себя Великим Востоком Франции. Старая ложа, не уступая сопернице, принимает тоже титул Одного и Единственного Великого Востока Франции.

Лабади удержал в своих руках все документы, касавшиеся провинциальных лож, и поэтому, чтобы оторвать от старой ложи провинциальные и привлечь их к себе, Великий Восток замыслил разделить Францию на 32 генералитета и создать в главных городах местные центры — Великие провинциальные ложи. Но проект не принес реальных плодов: образовалось всего 4–5 провинциальных лож.

Продолжая дело внутренней организации масонства, Великий Восток высказывается за сохранение трех символических степеней, учреждает комиссию для редактирования высших степеней из трех лиц (Бакон де ла Шевальри, барона Туссена и графа Александра Строганова) и санкционирует допущение дам наравне с братьями-масонами, для чего учреждаются так называемые адоптивные ложи.

Эмблема Великого Востока

Во главе Великого Востока становятся зажиточные титулованные дворяне, что и отражается на высоких взносах, которыми облагаются главные сановники Великого Востока, не только на содержание своей ложи, но и на содержание центрального органа — не менее 150 ливров в год.

Аристократические тенденции заправила Великого Востока сказываются и в образовании особых лож, членами которых была исключительно знать. Так, герцог Шартрский основал в 1775 году ложу Чистоты, в которую вошли отборные представители знати: герцог Шуазель, граф Лафайет, граф Сен-Жермен, принц Гессе, принц Нассау-Зиген, маркиз Спинола и другие. Особая ложа составляла даже фамильное достояние знатного рода герцогов Бульонов — Великий Восток Бульонов. Положен был предел и притоку членов из мелкой буржуазии: в ложе принимались лишь мастера в искусствах и ремеслах, и вовсе закрыт был доступ для актеров. Ложи окончательно приспособились к существовавшему общественному и политическому строю, и деятельность их свелась почти исключительно к делам благотворительности: помощи бедным, воспитанию сирот и подкидышей, поддержке инвалидов. Оставалось объединиться и организовать.

Хотя Великий Восток и уклонился от разработки высших степеней, но он не мог подавить стремления к ним в своей среде.

В это время орден Строгого Послушания отправил эмиссаров, которые основали три новые провинции во Франции: в Лионе, Бордо и Страсбурге. Тогда Бакон де ла Шевальери внес предложение Великому Востоку соединиться с директориями новых провинций Строгого

Научно-популярное издание

РУССКОЕ МАСОНСТВО

Ответственный редактор *А. Захарова*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Т. Филиппова, С. Луконина, О. Левина*
Верстка *Н. Козель*

При оформлении обложки использованы иллюстрации
shutterstock.com: @ Asma Samoh, @ Векторные изображения

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) **16+**

Подписано в печать 07.12.2022. Формат 60×100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,53.

Тираж 3000 экз. В-TZN-21942-01-R. Заказ № .